

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-3-102-110

УДК 821.351.32

Содержание статьи

Информация о статье

*А.Р. Гаширова*¹

Введение
Религиозно-философские
аспекты в ранних стихах поэта
Народные волнения и перемены в
мировоззрении поэта
Заключение

Поступила в редакцию: 16.03.2018.
Передана на рецензию: 22.03.2018.
Получена рецензия: 22.05.2018.
Принята в номер: 30.06.2018.

Религиозные аспекты в раннем творчестве Сулеймана Стальского

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН;
aida.2015@yandex.ru*

В статье предпринята попытка проанализировать творчество С. Стальского, его религиозные воззрения. В период, когда советская идеология пресекала различного рода проявления богобоязненности, веру в высшие силы, стихи религиозного содержания долгое время оставались вне поля зрения широкого круга читателей. В опубликованных ранних произведениях С. Стальского встречаются искажения: из стихотворений были намеренно исключены религиозные термины. Произведения С. Стальского были под запретом и не издавались вплоть до 1994 года. Следовательно, вопрос об истинном отношении поэта к религии оставался открытым.

В статье подвергнуты анализу неизвестные произведения С. Стальского, в результате чего нами установлено, что в его раннем творчестве особое место занимают произведения религиозно-философского характера.

Для понимания религиозного мировоззрения С. Стальского, которое основывалось на утверждении существования духовного мира и космологическом представлении о происхождении человека и Вселенной, созданных Всевышним, следует обратиться к его философским раздумьям. Религиозное мировосприятие поэта определяется главным образом стремлением к сохранению сакрального начала. Указывая на загадочность и непостижимость Творца, С. Стальский пользуется приемом философского рассуждения. Религиозная сущность поэтического мира художника слова выражается в обращении к религиозным писаниям, к сурам и аятам из Корана. Дореволюционная религиозно-философская лирика поэта свидетельствует о том, что С. Стальский был глубоко верующим человеком.

Ключевые слова: *лезгинская литература, духовная лирика, стихи религиозного содержания, произведения Сулеймана Стальского.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-3-102-110

UDC 821.351.32

Content of the article

Information about the article

*A.R. Gasharova*²

Introduction.

Received: 16.03.2018.
Submitted for review: 22.03.2018.

¹ *Аида Руслановна Гаширова* – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, orcid.org/0000-0002-1651-1740.

² *Aida Ruslanovna Gasharova* - Cand. of Sc. (Philology), Researcher at G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Research Center, RAS, orcid.org/0000-0002-1651-1740.

Religious and philosophical aspects in the poet's early verses. Riots and changes in the outlook of the poet. Conclusion. Reriew received: 22.05.2018. Accepted for publication: 30.06.2018.

Religious Issues in the Early Verses by Suleiman Stalsky

Institute of Language, Literature and Art, DRC of RAS; aida.2015@yandex.ru

The author attempts to analyze S. Stalsky's work from the standpoint of reflecting the poet's religious views. At the time when the Soviet ideology prevented all sorts of manifestations of God-fearingness and belief in higher powers, the religious content of Stalsky's verses for a long time remained out of view of his readership. In the early works by S. Stalsky there are some distortions, since religious terms were intentionally removed. Some verses were burked and not published up to 1994. Consequently, the question of the poet's true attitude to religion remained open. The author analyses S. Stalsky's unknown poems and finds that in his early work a special place is occupied by religious and philosophical verses. To understand the religious worldview of S. Stalsky, which was based on the assertion of the existence of the spiritual world and the cosmological concept of the origin of man and the universe created by the One God, one should turn to the poet's philosophical reflections. The religious worldview of the poet is determined, mainly, by the desire to preserve the divine spark. Pointing to the mystery and incomprehensibility of the Creator, S. Stalsky uses the method of philosophical reasoning. The religious essence of the poetic world of the artist is expressed in the appeal to religious writings, to surahs and ayat from the Qu'ran. The pre-revolutionary religious-philosophical poetry of S. Stalsky testifies to the fact that he was a deeply religious and righteous person.

Keywords: *Lezghian literature, spiritual lyrics, verses of religious content, works by Suleiman Stalsky.*

Введение

Классик лезгинской литературы Сулейман Стальский оставил богатое поэтическое наследие, ставшее достоянием не только лезгинской, но и всей дагестанской литературы. Свообразными «университетами жизни» для С. Стальского стали нефтяные промыслы Баку, железнодорожное депо Самарканда, цех завода «Волна». Здесь он впервые услышал песни русских, азербайджанских и армянских рабочих. Поэт, который провел семнадцать лет в скитаниях, хранил в своей памяти стихи – как чужие, так и собственного сочинения. Причем ничего не записывал, так как не владел грамотой.

С конца 1940-х годов начался процесс собирания и систематизации поэтического наследия С. Стальского. К этому времени имя поэта оказалось в центре всеобщего внимания далеко за пределами Дагестана. Поводом тому послужила восторженная оценка («Гомер XX века»), данная ему М. Горьким на I съезде писателей СССР в 1934 году.

Сулейман Стальский не сочинял стихи по просьбе или по заказу. Он слагал их обо всём, о чём говорил его народ, что его волновало и на что его искали и не находили ответы простые люди. Всё творчество поэта тесным образом связано с обстоятельствами жизни, со всей его эпохой. Время всегда оставляло определённый отпечаток на его стихах. Если ознакомиться с поэзией Стальского в хронологическом порядке, перед нами встанет вся жизнь с её тяготами и тревогами. Поэт Сулейман рос со своим временем и вместе со своим народом. Подтверждением этому могут послужить слова учёного Г.Г. Гамзатова, который писал: «Оригинальными были творческие пути С. Стальского и Г. Цадасы... Новаторским было уже то, что они – каждый по-своему – провозгласили и

осуществили поворот художественного слова к реальным запросам жизни простых людей, то, что основным героем их произведений стал так называемый маленький человек. Для них не существовало тем, образов, мотивов сугубо поэтических и непоэтических» [3, с. 353].

Религиозно-философские аспекты в ранних стихах поэта

После установления советской власти творчество ряда поэтов и писателей рассматривалось в контексте идеологических и классовых установок, что в значительной степени искажало и деформировало то духовное наследие, которое было призвано обогащать и развивать нашу культуру. Более детальный анализ текстов стихотворений С. Стальского, опубликованных в советское время, выявляет искажение идейно-художественного содержания, вплоть до замены заголовков к стихам. Наглядным примером политизирования и фальсификации является стихотворение «На праздник поста», которое звучало как «Против поста». Как отмечает И.В. Кондаков, «с современной точки зрения, общим для всех «основоположников» советской литературы было то, что, вольно или невольно подчинив свой талант партии и Советскому государству, приняв «правила игры», предложенные большевиками, превратив литературы в «часть» политики, они, тем не менее, и в этих, предельно тесных границах творчества оставались художниками, творцами» [7, с. 283].

«Очень многое из того, что было опубликовано, разбросано в периферийной печати, совершенно не доступной для исследования, а те материалы, которые удалось собрать при жизни певцов, были уничтожены, когда в эпоху Большого террора погибли многие из тех, кто их окружал (как в случае Гаджибекова и Стальского)» [6, с. 341]. В силу идеологической цензуры духовные стихи и большая часть поэтического наследия Сулеймана Стальского оказались вне литературного процесса и до недавнего времени оставались недоступными как для ценителей поэзии, так и для исследователей литературы. Стихи поэта не издавались и были под запретом. Лишь спустя годы, в 1994 году, вышел в свет новый сборник произведений С. Стальского [11], в котором были представлены произведения религиозно-духовного цикла и памфлеты 30-х годов.

Благодаря кропотливому труду собирателей художественного наследия поэта (Г. Садыки, Г. Гашаров, Ш. Юсуфов) были найдены 16 новых стихотворений: «Подумай» («Фагъума»), «Не сможет» («Жедайд туш»), «Ведь не осталось...» («Амач хьи»), «Настроению» («Гуьгуьлдиз»), «Эй, раб божий, у тебя...» («Эй, бенде, вахь...»), «Да пробудись ты, мусульманин» («Хьухь тун вун уях, мусурман»), «Неужели к лицу мусульманину» («Мегер мусурмандин кьайда...»), «Где осталось?» («Гьинама?»), «Бренный мир» («Фана дуьнья») и другие стихи раннего творчества Сулеймана. В том же 1994 году они были переведены Арбеном Кардашем и вышли небольшим сборником [10]. Новым этапом в исследовании литературного наследия С. Стальского является работа Ф. Нагиева [8]. Им же был выявлен ряд других, доселе не опубликованных произведений поэта, на основе которых составлен сборник стихов [9].

Несколькими поколениями исследователей был создан устойчивый портрет Сулеймана как поэта, писавшего хвалебные стихи, посвящённые революции, её вождям и новой власти, поэтому о творчестве Сулеймана Стальского многие читатели до сих пор имеют однобокое представление. Между тем как человек, выросший на исламских духовных традициях, поэт верил во Всевышнего, в предопределённость человеческой судьбы, в рай и ад, что и нашло отражение в его раннем творчестве.

Вчитаемся в стихотворение «Подумай» («Фагъума»), которое датировано 1908 годом. Обращаясь к мусульманину, Сулейман-поэт вначале пишет о тяжёлом

положении народа, а затем, предрекая обществу не менее безрадостное будущее, напоминает о роковом предначертании людских судеб, о бренности мира, о конце света:

Фагьум ая, эй, мусурман, Винеллай парар фагьума. Мегьти-Загьир, эхирзаман, Жед лагьбай икьрар фагьума. Эхир сад югь гьана риклал, Келма-шагьадат ая кIял. Гзаф кIевид жеда ви кIвал, ЭкьечIдай варар фагьума [11, с. 14].	Подумай, эй, мусульманин, О грузе непосильном [ты] подумай. О Мехти-Загире ³ , конце света, что настанет, Об уговоре [ты] подумай. Вспомни о последнем дне, Кельму-шахадат ⁴ прочти. Очень надёжным будет твой дом ⁵ , А как покинешь этот мир, подумай.
--	--

(Здесь и далее подстрочные переводы автора статьи)

С. Стальский не перестаёт удивляться строению мироздания тому, что и в природе, и в жизни людей ничто не происходит без смысла и без толка. Поэт наставляет, чтобы человек помнил и соблюдал всё, что положено каждому мусульманину.

Вуч атайтIан рахаз сивял, Мийир вуна а асивал. Аллагьдин гьа вичин садвал – Аятдин цIарар фагьума [11, с. 14]	Говоря всё, что придёт на ум, Не занимайся богохульством. И то, что Аллах един, – Над строками аятов [ты] подумай.
--	---

В этом стихотворении Сулейман описывает образ Всевышнего: «вечный облик Великого Творца» – Аллаха, он «без медалей и чинов», «без души и плоти, но ему дано величие», «носит тысячу и одно имя». Передавая Его образ, поэт указывает и на ряд основных функций Творца: «незримо помогает каждому», «сотворил день и ночь, леса и деревья, тучи, звёзды и ветер». Создание всей Вселенной, устройство человека, все чудеса, которые поэт видел в природе и в самом себе, он, несомненно, связывает с могуществом и волей Всевышнего, заставляя задуматься и о том, кто же сотворил каждого из нас, кого «род людской умом узреть..., объять не сможет»:

Ни гана ваз вилер, япар? Жуван сив, сарар фагьума... Эвелдай авачир якIай ЭкьечIдай чIарар фагьума [11, с. 15].	Кто дал тебе глаза и уши? Про зубы и язык подумай... Как в теле нашем жизнь течет, Про волосы свои подумай.
--	--

Поэт также советует быть осмотрительным.

Эй, фукьара, куыз я вун лал? Дуыз акьваза итимвилал. Мягьшердин кьуз жуван кьилал Кьведай кьван крар фагьума [11, с. 14].	Эй, бедняга, почему молчишь ты? Будь стойким по-мужски. В Судный день, что суждено пройти, О всех делах подумай.
--	---

Написание этих строк совпало с Первой русской революцией в России (1905–1907 гг.), эхо которой не могло не докатиться до её окраин. К тому же в общественной жизни назревали социальные перемены, новые революции, войны, к которым мусульманин, по мнению поэта, должен быть готовым.

³ *Мехти-Загир* – последний преемник пророка Мухаммеда, который должен возвестить о конце света, о Судном Дне.

⁴ *Кельма-шахадат* – молитва; шахада; свидетельство о вере в единого Аллаха и посланническую миссию пророка Мухаммеда.

⁵ В смысле: последнее пристанище, загробная жизнь.

При этом мы обнаружили в стихах С. Стальского и проявление фатализма, предопределённости жизни человека: всё то, что предрешено, всё равно произойдёт. Такое понимание окружающей действительности и места человека в ней выражено в стихотворении «Не сможет» («Жедайд туш»), написанном в 1916 году: «Что предначертано Аллахом, не сможет сделать никто другой» («Аллагъ-талед вичин къелем масадавай члугваз жедайд туш»), «хоть соберётся весь народ, никто его узреть не сможет» («КIватI хъайитIан жуьмле алем, гъейридаз акваз жедайд туш»).

Поэт восклицает: «вне времени он», «неописуем и велик», «никто не сможет принять подобный облик и глубокий ум», «... и волю высшую его никто ведь удержать не сможет!».

И замандин алимдихъ хъиз,	Подобно нынешнему алиму,
Гъич са гъейри итимдихъ хъиз,	Подобно прочему мужчине,
И гьукумат гъакимдихъ хъиз,	Подобно здешнему хакиму,
Вичив дамах, наз жедайд туш [11, с. 17].	Он гордым, важным быть не может.

Стихи поэта религиозного содержания, в которых выражены социально-философские взгляды поэта, можно отчасти отнести и к дидактической, назидательной лирике. Вот, к примеру, назидание Сулеймана: «Служи тому, кто может принести тебе невидимую пользу (благо)». С. Стальский не считал этот «несовершенный мир своим конечным пристанищем». В стихотворении «Бренный мир» («Фана дуьнья»), обращаясь к этому абсолютно «опротивевшему» миру, который не пощадил «праотца Адама», «посланника, возвестившего нам калам⁶», «мастера, соорудившего дом в Мекке», который был для нас «светом Божьим»; убил «такого молодца Юсуфа», «Пророков Мусу и Ису, затем Али-аль Муртазу» и даже «врага всех дэвов⁷ Рустама», поэт пишет, что «День Суда грядет».

В стихотворении «Настроению» («Гуьгьуьлдиз») поэт задумывается над проблемой жизни и смерти, всесилием времени, перед которым никто и ничто не может устоять, сравнивает этот мир с «караван-сараям, с постоялым двором», к которому «не нужно привыкать», «его не удержать зубами» («Им дуьнья я – карвансара, къуна хуьз жеч вавай сара»). Он советует вовремя раскаяться в грехах, потому что «на каждом плече сидит по ангелу» («Гъар къуьнел алаз са мелек») и «за каждый ... грех придется ответить в Судный день», ведь это неизбежно:

Фагьума дуьньядин гъалар	Подумай о мирских делах:
Гъиниз фена Али, Умар?	Куда ушли Али, Умар?
Эй, факъир, дуьньядин къумар	Эй, раб божий, в мирские карты
Жедач вавай къугъваз, къейди [11, с. 20].	Не сможешь ты сыграть, глупец.

В стихотворении «Эй, раб божий, у тебя...» («Эй, бенде, вахь...») поэт призывает совершать праведные поступки. Дидактика таких стихотворений лишена философской широты:

Гъар къуьнел алаз са мелек	На каждом плече по ангелу,
Пис-хъсан къаланава ви	Твое добро и зло учтутся...
Азраилди къурла гъаргъар,	Когда Азраил схватит за горло,
Аниз вуч дарман ава ви? [11, с. 22–23]	Что за лекарство ты найдешь?

⁶ Калам – зд.: священная для мусульман книга.

⁷ Дэв – в фольклоре: злой дух, главным образом великан, антропоморфного, иногда и зооморфного облика, часто с двумя, тремя, семью, девятью головами.

Он как бы готовит человека к смерти и говорит: «Даже за все богатства мира тебя на годекане в полном здравии не оставят...» («ГайитІан на дуйньядин мал, акІ сагълугъ яз, тач вун кимал...») [11, с. 21].

Поэт никогда не забывал о смерти, «напоминание о ней – один из постоянно повторяющихся в Коране лейтмотивов, предназначенный для того, чтобы заставить человека вспомнить, что жизнь его не бесконечна» [1, с. 66]. Он считал смерть проявлением воли Всевышнего. Указывая на непостоянство и пустую иллюзорность «бренного мира», С. Стальский тем самым прославлял его в духе суфийских художественных традиций.

Къейиданди сур я кве чІиб, Гъана чаз хупІ девран ялда. Лагъ, нинди я ин ви силис? Вунни кве къан мугъман ялда [9, с. 17].	У покойника могила в две пяди, Там раздолье для нас, говорят. Скажи, с кем ведёшь ты этот спор? И ты двухдневный гость, говорят.
--	---

Но вместе с тем поэт бросает обвинения «несправедливому миру» («инсафсуз дуйньядиз»):

Чир хъана: вахъ авач вафа, Чуруд я ви ибрет, дуйнья. Гъар инсандиз ажал жафа Гунуг я ви хесет, дуйнья [9, с. 56].	Узнал: нет преданности в тебе, Плохой с тебя пример, о, мир. Каждому человеку мучительную смерть Давать в привычку у тебя вошло, о, мир.
--	---

Поэт скорбит о том, что смерть не пожалела даже «Пророка, которого Аллах взял себе в друзья» («Нури-Лиллагъ тир а кас чи, Аллагъди дуст яз къур вичи»).

Народные волнения и перемены в мировоззрении поэта

Отдельные мусульманские «деятели» создавали препятствия на пути основной массы трудового горского крестьянства к просвещению, сознательно удерживая их во власти невежества. В.Г. Белинский по этому поводу писал: «...Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, а в успехах цивилизации, просвещения и гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства...» [2, с. 418–419]. В просвещении жителей окраин Российской империи не были заинтересованы ни царизм, ни мусульманское духовенство. Этим событиям и посвящено одно из стихотворений Сулеймана Стальского «Неужели это к лицу мусульманину...» («Мегер мусурмандин къайда...»), сложенное им в 1930 году:

Мегер мусурмандин къайда Иви экъичун ян гъавайда? Им чи юлдашарин арада Тур са адават хъана хъи [11, с. 34].	Неужели это к лицу мусульманину, Напрасно кровь хотите проливать? Это между нашими друзьями Ведь разожгли вражду.
---	--

Зачастую в череде неприятностей и неудач простого народа поэт винит «чрезмерно короткий куцый шариат» («къадардилай куъруъ тумакъ шариат»). Сулейман замечает, что именно те, кто считает себя наиболее близкими к Аллаху (мулла, шейх, имам) «не знающие *фарз* и *Сунну* свою» («ферз суьннет тийижиз жуван»), не уставая повторять «валлах-биллах», «грешат сверх меры».

Возможно, в связи с тем, что имя поэта уже оказалось в центре всеобщего внимания далеко за пределами Дагестана (речь идёт о выступлении поэта на I съезде Союза писателей СССР в 1934 году, награждении его орденом Ленина), с активным участием в общественно-культурной жизни страны религиозные потребности начали вступать в противоречие с

должностными обязанностями поэта. Теперь С. Стальский должен был создавать произведения, навеянные духом новой социалистической действительности. Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что Сулейман Стальский был глубоко верующим, религиозным человеком. В одном из своих стихотворений поэт выражает своё недовольство происходящими переменами: это закрытие мечетей и сожжение религиозных книг, расстрелы и ссылки религиозных деятелей, запреты на совершение ритуальных обрядов и чтение молитв и т. д. Он сетует на то, что в мечетях как прежде произносятся проповеди и не совершаются намазы» («а эвля хьиз мисклинара кпIарни вязер амач хьи»).

Дегиш хьана гил имамар, Жезвач чавай ферз тамамар. Чизмач сувабар, гьарамар, Нефсиниз кьенер амач хьи [9, с. 11].	Поменялись теперь имамы, Не можем мы соблюдать <i>фарз</i> ⁸ . Не ведают уже о <i>савабе</i> , <i>хараме</i> , Страсть к наживе не знает границ.
--	--

Завершается стихотворение самой значительной строкой, таящей в себе глубокий философский смысл:

Сулейманаз сир я са кар – Дегишдани чи бармакар? Гьуцар, динар ийиз кукIвар, Женнетдихь сефер амач хьи [9, с. 11].	Для Сулеймана остаётся загадкой – Сменить нам наши папахи? Богов, религию искореняющим К Раю нам дорога закрыта.
---	---

С. Стальский был также обеспокоен арестами лучших представителей дагестанской научной и творческой интеллигенции, которые «были тщательно продуманной акцией карательного аппарата республики» [5, с. 12].

Гьам-хажалат хьана пара, Амач чи дердиниз чара. А виликан хурмад тара Гида бегьер гьиз амач хьи.	Большое горе к нам грядет, Нет избавленья от невзгод. То прежнее дерево хурмы Теперь плодов не приносит.
Бязи инсанарин ният Терг авун я калам, аят. Эй, мубарак, чи шариат, Эвел хьиз, яргьиз амач хьи [11, с. 18–19].	У некоторых замысел такой Сравнить с землей калам, аят. Эй, поздравляем, наш шариат, Укоротили, как прежде не осталось.

Уже само появление на свет подобного рода стихотворения говорило о большом гражданском мужестве поэта. В те дни, когда властями жестоко преследовалось всякое сочувственное отношение к арестантам, даже простое упоминание о них было опасным.

Стихи Сулеймана Стальского религиозного содержания самобытны и оригинальны. Благодаря богатому и образному языку произведения поэта трудно поддаются точному художественному переводу, поэтому представляется сложным адекватно передать весь поэтический дух произведений. В этой связи стремление многих переводчиков подчинить поэтическое слово С. Стальского литературным нормам языка приводит к искажению смысла его стихов. Обращают на себя внимание и особенности языка стихотворений: они сложены в обычном ключе бытового разговора с предполагаемым собеседником, а при переложении на русский язык мысли, вытекающие из содержания стиха, несколько изменяются, иногда приобретая совершенно другой смысл. К примеру, слова «валлах», «валлах-биллах» в лезгинском языке могут употребляться совершенно незаметно в

⁸ *Фарз* – обязательные действия, поступки и нормы поведения, предписанные человеку Аллахом. Это и религиозные заповеди, и соблюдение ритуальных предписаний и норм благочестия.

контексте любого содержания, и не только эти слова, но даже целые обороты с религиозной окраской и содержанием. В некоторой степени для нас важно и то, что ранние произведения С. Стальского можно разграничить как по содержанию, так и по датам.

Заключение

Рассмотрев ранние стихи поэта на религиозную тематику, мы приходим к выводу: Сулейман Стальский не был ни атеистом, ни религиозным фанатиком. В его творчестве органически сочетались идеи приверженности и к религии, и к высокой гражданской позиции.

Литература

1. *Акамов А.Т. Эсхатологические мотивы в кумыкской духовной литературе // Исламоведение. – 2012. – № 2. – С. 65–73.*
2. *Белинский В.Г. Статьи о классиках. – М.: Художественная литература, 1970. – 608 с.*
3. *Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление: на путях формирования дагестанской литературы. – Махачкала: ДКИ, 1986. – 458 с.*
4. *Гашиаров Г.Г. Лезгинская литература. История и современность. – Махачкала: ДКИ, 1998. – 472 с.*
5. *Гашиаров Г.Г., Гашиарова А.Р. Известный и неизвестный Сулейман / Дагестанская литература: история и современность. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 145-летию со дня рождения С. Стальского, 21 ноября 2015 г. – Махачкала: ДГПУ, 2015. – С. 11–14.*
6. *Добренко Е.А. Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 4 (78). – С. 236–262.*
7. *Кондаков И.В. «Образ мира, в слове явленный»: волны литературоцентризма в истории русской культуры // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. – М.: Наука, 2004. – С. 229–293.*
8. *Нагиев Ф.Р. Поэтическое наследие Сулеймана Стальского: проблемы текстологии. – Махачкала, 2000. – 326 с.*
9. *Сулейман Стальский. Не понять тебя, эпоха...: неизданные стихи / сост. Ф.Р. Нагиев. – Махачкала: ООО «Деловой мир», 2009. – 64 с.*
10. *Сулейман Стальский. Неизвестное / пер. с лезг. А. Кардаша. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 40 с.*
11. *Сулейман Стальский. Произведения / сост. А. Агаев, Л. Стальская. – Махачкала: ДКИ, 1994. – 480 с.*

References

1. Akamov A.T. Eschatologicheskiye motivy v kumykskoy dukhovnoy literature [Eschatological motifs in the Kumyk spiritual literature]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2012, № 2, s. 65–73. (In Russian)
2. Belinsky V.G. *Stat'i o klassikakh* [Articles about the classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1970, 608 s. (In Russian).
3. Gamzatov G.G. *Preodoleniye. Stanovleniye. Obnovleniye: na putyakh formirovaniya dagestanskoy literatury* [Overcoming. Becoming. Update: on the ways of forming Dagestan literature]. Makhachkala, DKI, 1986, 458 s. (In Russian).
4. Gasharov G.G. *Lezginskaya literatura. Istoriya i sovremennost'* [Lezghin literature. History and modernity]. Makhachkala, DKI, 1998, 472 s. (In Russian).

5. Gasharov G.G., Gasharova A.R. *Izvestnyy i neizvestnyy Suleyman* [The famous and unknown Suleiman]. V sbornike: Dagestanskaya literatura: Istoriya i sovremennost'. Materialy IX vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 145-letiyu so dnya rozhdeniya С. Stal'skogo. Makhachkala, DGPU, 2015, s. 11–14. (In Russian)

6. Dobrenko Ye.A. *Naydeno v perevode: rozhdeniye sovetskoy mnogonatsional'noy literatury iz smerti avtora* [Found in translation: the birth of Soviet multinational literature from the author's death]. Moscow, 2011, № 4 (78), s. 236–262. (In Russian)

7. Kondakov I.V. «*Obraz mira, v slove yavlennyy*»: *volny literaturatsentrizma v istorii russkoy kul'tury / Tsiklicheskiye ritmy v istorii, kul'ture, iskusstve* [«The image of the world in the word manifested»: waves of literature of centrism in the history of Russian culture / Cyclic rhythms in history, culture, art]. Moscow, Science, 2004. pp. 229–293. (In Russian)

8. Nagiyev F.R. *Poeticheskoye naslediye Suleymana Stal'skogo: problemy tekstologii* [The poetic heritage of Suleiman Stalsky: the problems of textuality]. Makhachkala, 2000. 326 s. (In Russian).

9. Suleyman Stal'skiy. *Do not understand you, the era ...: unreleased poems* [Ne ponyat' tebya, epokha...: neizdannyye stikhi] / sost. F.R. Nagiyev. Makhachkala, ООО «Delovoy mir», 2009. 64 s. (in Lezgin).

10. Suleyman Stal'skiy. *Neizvestnoye*. [Unknown] / perevod s lezgin. A. Kardasha. Makhachkala, МР «Yupiter», 1994, 40 s. (in Lezgin).

11. Suleyman Stal'skiy. *Proizvedeniya*. [Works] / sost. A. Agayev, L. Stal'skaya. Makhachkala, 1994, 480 s. (in Lezgin).